

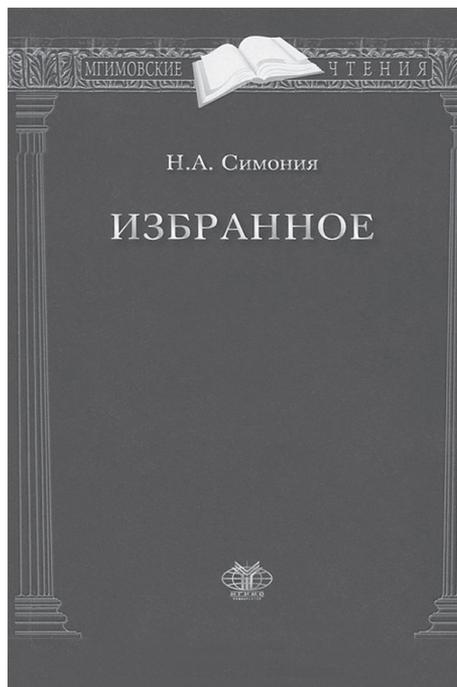
ВЛАДИМИР ХОРОС

## Идеи, живущие во времени

«Избранные труды» — жанр рискованный, своего рода тест на прочность. В наших гуманитарных науках идеи не живут долго, если, конечно, ты не Лотман, Лосев или Бахтин. Сколько было юбилейных изданий «маститых» и «заслуженных», которые оказывались лишь данью прошлому и напрочь не были востребованы последующим поколением. Думается, однако, что книга Н. А. Симония — не этот случай. Ее идеи способны вызывать и до сих пор вызывают интерес.

В книгу включен ряд трудов автора за четыре десятилетия его академической деятельности — некоторые из них теоретического (или историко-теоретического) характера, другие посвящены современным проблемам (часть из которых, кстати, печаталась в журнале «Свободная Мысль»). Вместе с тем книге присуща цельность; другое дело, что сегодня концептуальные построения автора кому-то могут показаться не вполне понятными или несвоевременными; но лишь время способно расставить здесь все точки над *i*.

**Н. А. Симония.** Избранное.  
М., Изд-во «МГИМО-Университет»,  
2012. 762 с.



Начать с того, что в книге Н. А. Симония последовательно проводятся взгляды, развивающиеся в русле марксистской теоретической традиции. Это, наверное, непривычно для нынешнего читателя, на глазах которого в последние двадцать лет десятки авторов (начиная с Ципко) соревновались в обличении или уничтожении марксизма, хотя прежде, в советские годы, исправно уснащали свои штудии цитатами из К. Маркса или В. И. Ленина. Симония же воспринимает марксизм не в качестве некоего «священного писания», но как действительно научную теорию. И такой подход представляется не только нормальным, но и единственно правильным.

Следуя марксистской теоретической традиции, Н. А. Симония соотносит реалии стран Востока (и не только Востока) с формационной теорией. Опять-таки не в виде пресловутой «пятичленки», которую «обязаны» проходить все народы и во все времена. Речь идет о формационном переходе: от феодализма, добуржуазного общества, к капитализму, а затем от капитализма

ХОРОС Владимир Георгиевич — руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, доктор исторических наук.

*Ключевые слова:* востоковедение, марксизм, политическая наука, политическая революция, бюрократический капитализм, Индонезия, постсоветская Россия, Китай, азиатские «тигры», неокOLONиализм.

к социализму (или к тому, что идентифицировалось с социализмом). При этом ученый придает большое значение категории социальной и политической революции и, уходя от сиюминутных, поверхностных трактовок, возвращает категории ее нормативный научный смысл.

Социальная революция — это глубинные изменения в той или иной формации, постепенные объективные сдвиги в ее базисе — не только в экономических отношениях, но и в других сферах общественной жизни — социальных, правовых, а также культурных ценностях и институтах. Например, появление протестантизма в Европе имело не меньшее значение для складывания буржуазной формации, чем развитие мануфактур или бирж. Политическая же революция есть попытка приведения в соответствие надстройки, прежде всего структур власти, с накопившимися изменениями базисного характера.

И здесь Н. А. Симония обосновывает важную идею о том, как устанавливается (или не устанавливается) это соответствие, — концепцию о волнообразном характере политической революции. А именно: революция сначала совершает своеобразное «забегание вперед», превышающее объективные границы достигнутых базисных изменений. В силу этого ей приходится совершать «откат», также, как правило, заходящий «далеко назад» от начальной точки революции, но все же не заканчивающейся реставрацией. Наконец, третий «такт» революции: установление «нового центра тяжести», в котором политическая надстройка более или менее соответствует базисным сдвигам (см. С. 96—166).

Этот механизм просматривается автором как в европейских, так и в российских революциях<sup>1</sup>. Применительно же к Октябрьской революции (попытке перехода от буржуазной к социалистической формации) наблюдается более сложная схема: забегание вперед («военный коммунизм») — попытка контролируемого отката через госкапитализм (нэп) — новое забегание (сталинизм) — новый откат в «реальный социализм» — наконец дальнейший от-

кат, «срыв» в «дикий» капитализм с конца 1980-х — начала 1990-х годов. «Нового центра тяжести» пока не видно...

Тема волнообразности политической революции была впервые развернута автором в книге «Страны Востока: пути развития» (1975), за которую ему пришлось немало претерпеть от тогдашних ревнителей идеологической чистоты. Тем не менее теоретические поиски в русле формационного подхода были продолжены в коллективном труде «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (1984), в котором вклад Н. А. Симония был самым крупным. Эта книга оказала значительное влияние на отечественное востоковедение (и не только востоковедение).

Я остановлюсь лишь на двух идеях автора, обоснованных в данной работе. Первая, как это явствует из заголовка самой книги, — проблема синтеза традиционного и современного в формационном развитии. Новая формация возникает из прежней, она не только ликвидирует отжившие институты старого общества, но и использует некоторые из них, «обволакивает» традиционные формы новым содержанием. Так происходит синтез в становлении новой формации — сначала формальный, частичный, а затем и сущностный, когда новая формация достигает зрелости.

Н. А. Симония рассматривает главным образом становление форм государственности при переходе от феодальной формации к буржуазной или шире — от традиционного, доиндустриального общества к капиталистическому. При этом он выделяет варианты осуществления синтеза в политической сфере, соответствующие различным типам и стадиям становления и распространения капитализма в мире. Это, прежде всего, «первичная модель» — страны, которые не только раньше других осуществляли строительство буржуазной формации (Англия, Франция), но и в полной мере прошли все фазы становления буржуазной государственности: политические революции, государственность бонопартистского типа, буржуазную демократию в контексте зрелого част-

<sup>1</sup> Представляется, что конструкция «забегания—отката» отражает не только зигзаги политических революций, но имеет и более универсальное, в том числе психологическое, обоснование. Я называю это «законом повышения планки»: совершение какой-либо крупной инициативы, «прорыва» в общественной жизни предполагает повышенную мотивацию и ожидания, значительно превосходящие достигнутый результат. Например, первый капиталистический банк долгосрочного кредита (что имело большое значение для промышленных инвестиций) — «Credit Lyonnais» — был основан в 1863 году учеником А. Сен-Симона А. Жерменом и создавался в расчете на социалистическую перспективу.

нохозяйственного капитализма, наконец, монополистическую государственность.

«Вторичную модель» представляют страны (Германия, Италия, Россия), где, во-первых, исторически позже стран «первичной модели» началось становление буржуазной формации и возникла необходимость «догоняющего развития». Во-вторых, в силу этого, а также того обстоятельства, что формационные предпосылки капитализма были выражены здесь слабее, чем в странах «первичной» модели, полноценный синтез оказывался более затрудненным, развитие приобретало убыстренный и неравномерный характер, а все фазы становления буржуазной формации были как бы неполными, переходными: незавершенность политической революции, сосуществование в той или иной мере элементов бонапартизма, демократии и монополизма и пр. Становилась необходимой повышенная роль государства, насаждавшего капитализм «сверху» (см. С. 201—246).

Наконец, «третичная модель», к которой автор относит страны Востока. Здесь синтез традиционного и современного обладает значительными особенностями даже по сравнению со «вторичной» моделью. На Востоке предпосылки перехода к модернизации буржуазного типа выражены еще слабее, тем более в странах, принадлежащих к иным, незападным цивилизациям. На начальном этапе этот переход совершался через «колониальный синтез», когда роль внешнего фактора была фактически определяющей. Но и после завоевания независимости в результате национально-освободительных революций роль государства какдемиурга модернизации оставалась ведущей, исключительно важной, ибо власть должна была не только организовывать и «пришпоривать» процессы социально-экономического развития, но и обеспечивать национально-государственную интеграцию в многоукладных и этнически фрагментированных обществах.

Читатель имеет возможность ознакомиться с подробным, детальным и нетри-

виальным анализом «третичной модели», предпринятым Н. А. Симония (см. С. 247—397). Акцентирую внимание лишь на одном моменте, связанном именно с проблемой синтеза традиционного и современного. После политического освобождения колониальных и зависимых стран в середине XX века были созданы многочисленные теории их развития, модернизации мировой Периферии, объединяемые общим понятием «догоняющего развития». Модернизация в этих странах во многих работах (особенно западных авторов) отождествлялась с «вестернизацией». Но сегодня, как справедливо констатирует Н. А. Симония, вестернизация как теория и практика «потерпела полное поражение» (см. С. 708).

Отчасти этому способствовал сам Запад, вернее, недальновидная политика западных стран, в частности и в особенности США, по отношению к так называемому

**Модернизация в бывших колониальных и зависимых странах во многих работах (особенно западных авторов) отождествлялась с «вестернизацией». Но сегодня, как справедливо констатирует Н. А. Симония, вестернизация как теория и практика «потерпела полное поражение».**

третьему миру, которые навязывали незападному миру те или иные модели вестернизации, под которые предоставлялась помощь (Official Development Assistance). Однако эта помощь была незначительной и, кроме того, не предполагала подлинно взаимовыгодного сотрудничества. «Расчет... был на то, что повторение капиталистического развития по западному варианту потребует огромного времени, в течение которого развитые индустриальные страны, пользуясь своим существующим экономическим превосходством и продолжающейся научно-технической революцией, будут доминировать над третьим миром и экономически эксплуатировать его. Такая стратегия справедливо была названа... неоколониализмом» (С. 758). И хотя эта линия на «принуждение к вестернизации» в це-

лом может считаться скомпрометированной, до сих пор не прекращаются попытки стран Запада внедрить на Востоке и в других регионах «соблюдение прав человека», «демократии» и т. п. — в том числе насильственными, военными средствами.

Но дело не только в неадекватной политике стран Центра по отношению к странам Периферии. В принципе успешная модернизация в странах «третичной» модели (так же, как, впрочем, и «вторичной» и даже «первичной» модели) предполагает именно синтез — не формальный, а сущностный — традиционных (добуржуазных) и современных форм. В странах так называемого исторически запоздалого развития (Азия, Латинская Америка, Африка) модернизация — при всем заимствовании технико-организационного и иного опыта более развитых стран — должна быть «посажена» на собственную социокультурную почву, национальные и цивилизационные традиции. «Экономическое чудо» в Японии (начиная с эпохи Мэйдзи и особенно во второй половине XX века) совершалось по принципу «вакон эсай» — «японская этика + западная техника». Примерно так же происходило развитие восточноазиатских «тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и др.), а сегодня по этому пути идет Китай. Напротив, имитационные псевдореформы постсоветского периода под лозунгом «стать Европой» дали очевидные деструктивные результаты.

Плодотворности теоретических поисков Н. А. Симония как профессионального востоковеда, возможно, способствовало то обстоятельство, что в последние десятилетия советского периода в востоковедческой отрасли все же было относительно меньше идеологической жесткости, нежели, к примеру, в изучении отечественной истории или истории КПСС. Не случайно некоторые его идеи начинались с изучения восточных реалий. Таково, в частности, понятие «бюрократического капитализма», которое первоначально возникло на материале Индонезии времен Сукарно, а далее Сухарто. Затем это понятие вошло в качестве элемента его трактовки формационной теории.

Бюрократический капитализм — это «специфическая форма генезиса капитализма в условиях “догоняющего развития”», «особый вариант “первоначального накопления”, осуществляемый при активном участии и по инициативе государственной бюрократии» (С. 586). Симония указывает

на наиболее заметные проявления этого феномена в современную эпоху — гоминьдановский Китай, а затем Тайвань, Южная Корея (с середины 1960-х), Индонезия (с середины 1950-х), постсоветская Россия (хотя зачатки «бюрократического капитализма» стали складываться еще в конце «перестройки»). Добавлю от себя: некоторые элементы данного феномена, похоже, появляются и в континентальном Китае. Симония справедливо замечает, что указанный вид капитализма особенно характерен для стран с богатыми историческими традициями бюрократического правления (см. там же).

Вместе с тем «бюрократический капитализм» может приводить к различным результатам. На Тайване и в Южной Корее он в конечном счете способствовал успешной экономической, а затем и политической модернизации. Даже в Индонезии, в которой имели место некоторые достаточно одиозные формы сращивания военной верхушки и местного китайского бизнеса, общая оценка не может быть однозначной, ибо значительный сектор индонезийского бюрократического капитала все же работал на экономическое развитие страны. Наиболее очевидны деструктивные черты «бюрократического капитализма» в постсоветской России, хотя и здесь, наверное, было бы чрезмерным ограничиваться лишь констатацией одних негативных последствий.

История складывания и утверждения «бюрократического капитализма» в Российской Федерации еще не написана, и суммарная его оценка впереди. Но две статьи Н. А. Симония, помещенные в рецензируемой книге («Становление бюрократического капитализма в России» и «Особенности национальной коррупции» — те, что как раз были впервые опубликованы в журнале «Свободная Мысль»), вполне могут быть использованы будущими историками для понимания «лихих девяностых». Автор, в частности, отмечает значение «гайдаровской либерализации» для формирования российского бюрократического капитала — ибо «в условиях фактического отсутствия сколько-нибудь значительной предпринимательской прослойки возможностями, предоставленными политикой безграничного либерализма... на практике могли воспользоваться только две социальные группировки. Главная из них — это хозяйственная номенклатура, экипированная необходимыми

связями и соответствующим ноу-хау. Вспомогательная — представители нелегального бизнеса, то есть “теневой экономики”, обильно возвращающейся еще в период брежневского правления» (С. 587).

Н. А. Симония выявляет структуру российского варианта «бюрократического капитализма» (экспортно-сырьевая, финансово-торговая, промышленная и военная фракции), а также этапы развертывания данной системы, которые в основном состояли в «перетягивании каната» между экспортно-сырьевой и финансово-торговой фракциями. Подробно рассматриваются события 1990-х, включая дефолт 1998 года, всплывают названия различных организаций и фирм, а также фамилии фигурантов, поглощенных в то время разделом общественного пирога. Многие из этого уже подзабыто или вспоминается весьма редко. Поэтому анализ исследователя представляет несомненный интерес. Можно отметить также его обоснованный вывод, что коррупция в современной России «служит главным механизмом генерирования бюрократического капитала» (С. 634).

В работах последних лет, опубликованных в настоящей книге, мы находим размышления о современной мировой экономике и международных отношениях. Н. А. Симония указывает на серьезные изменения в характере капитализма — на примере США, где растет социальная поляризация общества и создается «государство сверхбогачей». Об этом свидетельствуют такие тенденции, как «изменение природы акционерных обществ» (доминирование менеджеров над акционерами), а также эрозия института биржи, которая из полезного механизма оптовой торговли превращается в непрозрачную систему сделок преимущественно по виртуальным товарам, где «главные фигуранты, обладая инсайдерской информацией (которую они сами же корректируют, если не формируют), превращают биржу в эффективный механизм собственного обогащения» (С. 752—754). Он констатирует откровенно «двойные стандарты» в политике Запада по отношению к развивающимся странам и неадекватность неолиберальных рекомендаций для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Что же касается России, то для нее в этой ситуации чрезвычайно важно выстроить самостоятельный внешнеполитический и экономический курс. Так, в ста-

тье «Россия между Европой и Китаем» автор приходит к выводу, что «Россия просто обречена превратиться в самостоятельный полюс формирующегося многополюсного мира, так как альтернативой этому будет ее фрагментация и превращение в сырьевой придаток и ЕС, и Китая» (С. 704—705).

В коротком отзыве невозможно (да и не нужно) коснуться всех идей, выдвинутых в разные годы Н. А. Симония и в целом выдержавших испытание временем. Как результаты научной мысли они могут обсуждаться, а в чем-то и оспариваться. И в книге ученого такие сюжеты для дискуссии, разумеется, есть. Остановлюсь лишь на одном. Рассматривая вопрос, была ли реальная альтернатива сталинской модели в конце 1920-х — начале 1930-х годов, утверждает, что реальная альтернатива была, и она состояла в продолжении нэпа как регулируемого госкапитализма, но Сталин «сознательно не захотел, да и вследствие своего слабого интеллектуального потенциала не смог бы следовать сложным, трудным путем госкапитализма, предпочитая “прямой” путь “кавалерийского” натиска...» (С. 731).

Думается, что дело здесь не только в том, что «не захотел», и не только в уровне интеллекта Сталина. В конце 1920-х — начале 1930-х годов страна стояла перед объективной необходимостью мобилизационной модели в силу нарастающей угрозы внешней опасности, о чем советское руководство неоднократно предупреждало, — достаточно заглянуть в стенограммы тогдашних партийных съездов. Отсюда императивы форсированной индустриализации, с которой была связана и коллективизация, — это ведь звенья одной цепи. Можно допустить, в качестве альтернативы, что методы мобилизационной политики могли быть не столь жесткими, насильственных действий и репрессий могло быть меньше и т. п. Но опять-таки репрессивный характер режима был связан, как представляется, не только с личностью Сталина, но и с инерцией того раскола общества, который столь очевидно проявился в годы революций и Гражданской войны, а последующие эксцессы были своеобразным продолжением этого раскола, социальной «смуты», которая стимулировалась не только «сверху», но и «снизу». Полагаю, что эта тема еще будет обсуждаться в научной литературе — как отечественной, так и зарубежной. ◆